

СЕЙЧАС НАСТУПАЕТ ВЕК ФИЛОСОФИИ

Симонов-Вяземский Юрий Павлович

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Интервью с писателем, ведущим телепрограммы «Умники и умницы», Заслуженным деятелем культуры РФ, заведующим кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО, главным редактором журнала «Концепт: философия, религия, культура», профессором Ю.П. Симоновым-Вяземским (Ю.П.), доктором философских наук, профессором МГИМО М.В. Силантьевой (М.В.) и аспиранта кафедры философии МГИМО Д.Д. Любинской (Д.Д.).

М.В. Юрий Павлович, в советское время в обществе были популярны технические специальности – физика, химия, математика. Это было связано с техническим прогрессом, с освоением космоса, гонкой вооружений. Сейчас мы наблюдаем примерно схожую историю, когда технические науки опять выходят на первый план. Как Вам кажется, в таких условиях, как себя ощущают гуманитарные науки и как их можно популяризировать? Как привлечь к ним внимание со стороны молодого поколения, которое будет эти науки развивать?

Ю.П. Как привлечь интерес молодого поколения? На этот вопрос всегда бывает очень сложно ответить. Первое, что приходит в голову: нужно хорошо оплачивать работу учёных, занимающихся гуманитарными науками. Молодые люди ведь становятся на собственные ноги, хотя достойно жить, у некоторых есть семейные планы – жениться, завести детей. Для этого, конечно, нужны деньги. Гума-

нитарным наукам в этом смысле легче. Современное естествознание, например, физика, химия, требуют очень больших затрат. Если их не делать, данные науки развиваться не в состоянии, здесь очень многое зависит от финансирования. А гуманитарные науки не требуют его в такой степени. Какие особенные деньги нужны философу, историку, представителям других гуманитарных наук? На книги, на еду..., даже на раскопки, проводимые на современном уровне, нужно не так много в сравнении со специальным оборудованием, необходимым физикам или, скажем, биологам.

С другой стороны, я совершенно твёрдо убеждён, что человеческое знание неразрывно. И меня поддерживают в этом великие учёные прошлого и настоящего, в том числе физики и химики. Если общество хочет процветать, нормально развиваться, оно обязательно должно развивать и те, и другие науки. Ведь граница между ними иногда весь-

ма незаметна. Физика и химия помогают корректировать датировку тех или иных артефактов. Последние, в свою очередь, расширяют научные представления не только о религии, искусстве и быте других эпох, но проливают свет на формы организационной культуры, накопленные человечеством; дополняют копилку медицинских знаний и т.п.

Другое дело, что технические науки обычно любимы людьми, которые управляют государствами, потому что с их помощью можно быстрее получить различные дивиденды – новые машины, новые самолёты, новые гаджеты... И в то же время этим людям как-то не совсем понятно, что же можно получить, кроме зубной боли, от истории. И тем более – от философии. Науки-то эти – «бесполезные»! Но таково лишь первое впечатление. Несколько примеров:

– великий физик Нильс Бор открыл принцип дополнительности в тот момент, когда читал сочинения Серена Кьеркегора о троичности. Это сочинение – даже не столько философское, сколько богословское, – натолкнуло его на открытие указанного принципа, сопоставимого по значению с созданием Альбертом Эйнштейном теории относительности. Именно эти открытия первой половины XX в. потом на прикладном уровне дали и гаджеты, и космос, и ракеты, и самолёты нового поколения;

– а идеи механики Ньютона, плавно вытекающие из его философско-богословских представлений о пространстве и времени? Без них и физики-то в современном смысле не было бы!

Гибельность разрыва технических наук и гуманитарных наук, а также науки как таковой и философии, хорошо осознана ещё в XX в., достаточно вспомнить работу Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию». До сих пор не потеряли актуальность идеи авторов Пагуошского манифеста, поставивших вопрос о глубинных этических основаниях знания, – личных и общественных «симпатиях или антипатиях к той или иной проблеме». И

ведь это – не попытка «смешать кислое с круглым»: наука и философия, этика, – конечно, два разных способа выработки научного знания. Но не замечать их взаимосвязь на уровне решения антропологически значимых проблем, мягко говоря, недальновидно. Сегодня в связи с гибридными войнами эта тема не только не становится менее насущной, но приобретает дополнительные, всё более яркие оттенки.

Верно и то, что, помимо метафизического уровня знания, есть ещё и собственно гуманитарные науки, гуманитарная научность – другой, чем естествознание, тип научности. Гуманитарные науки способны «посчитать» сценарии возможного будущего, исходя из определённых параметров решаемых конкретных задач. Посчитать, в том числе, и очень точными качественными методами. Причём здесь возникает ещё одно различие – «классическая» и «неклассическая» (или «постнеклассическая», как называет её академик В.С. Стёпин) научность. Именно её роль в современном научном знании (и «естественном», и «неестественном», и «противоестественном») за последние годы только возрастает.

Понятно, что расчёт сценариев возможного будущего на основе методологий гуманитарных наук – не гадание на кофейной гуще. И он по-прежнему чрезвычайно важен хотя бы потому, что созданная в XX в. техника и атомное оружие в наше время уже вышли на новый, более высокий уровень. Риски техногенных катастроф дополняют военные риски, сопровождаемые использованием высокотехнологичных вооружений и методов ведения боя. А это уже вопрос не столько о самой технике, сколько вопрос о человеке, о границах его самопознания и самореализации. Так что если не будет этих самых гуманитарных наук и учёта метафизических оснований знания, останется только ждать, когда технологии «съедят» человека, трансформировав нас в часть самих себя. Или вовсе – избавившись от этой слишком хлопотной в силу своей свободы (то есть плохой предсказуемости) «части» удобно устроено-

го, хорошо организованного и идеально управляемого машинного мира. Просто хоррор какой-то получается... Нет, конечно такого не будет. Мы же видим, что, несмотря на «сопротивление материала» в лице технократического сциентизма, гуманитарное знание и философия всё ещё сохраняют свои позиции в обществе. Несмотря на то, что не дают очевидной немедленной прибыли.

М.В. *Какое место в таком случае занимает для современного человека философия? Нужна ли она ему?*

Ю.П. Философия совершенно необходима, потому что в любом знании есть два языка, без которых серьёзная наука невозможна: это математика, язык науки, и это философия, сверхъязык науки. Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Эрнест Резерфорд, Пётр Капица – они все в каком-то смысле были философами. Ядерная физика без философии просто не работает, это почти что прикладная философия.

Все неразрывно. И потом русский человек без философии – какой же он русский? Многим людям только кажется, что они никак не сталкиваются с философией. Но с «вечными вопросами» каждый так или иначе в жизни сталкивается! Просто человек, который не изучает философию, вынужден в критической ситуации изобретать какую-то свою философию, чтобы принять решение, «изобретает велосипед». А философы ему в этих вопросах могут помочь. Не заменить его собственный поиск, но показать, как работают те или иные звенья социального организма. Причём в разных временных обстоятельствах.

Философия – совершенно особый язык. Не научный, не религиозный и не художественный. Я с этого начинаю свои лекции для студентов. Философия – попытка соединить эти три жизненные сферы, науку, искусство и религию, в целостное знание. Философия – это синтез, как правило, личный синтез. Поэтому философия вся очень разная, не бывает какой-то одной школы, которую все принимают. Философ, если это действительно крупный философ, может особо не считаться с тем, что говорили до него.

Он, как художник, имеет право быть совершенно оригинальным. А вот физики, наоборот, так не могут работать: они не могут игнорировать Альберта Эйнштейна, или Нильса Бора и при этом развивать физику. Философ же может себе позволить создать свою собственную философию, часто противоречащую всему предшествующему общественному опыту. Вся философия Шопенгауэра, как ему казалось, строилась на отрицании Гегеля (хотя в значительной степени все хорошее он взял именно у Гегеля). В то же время он считал себя кантианцем, очень уважал Канта (но если присмотреться, то это было *ещё то уважение*). Так что упоминание философом других философов – это вовсе не обязательно корректный историко-философский пересказ. Нередко наоборот, предшественники упоминаются лишь для «отталкивания», чтобы подробнее прочертить линию собственного понимания.

Кстати, именно после Гегеля, Канта и особенно Шопенгауэра философия стала переживать свой «серебряный век». Она все меньше связывалась с наукой, всё больше сближалась с искусством. Это началось с борьбы с гегелевским панлогизмом, отождествившим весь мир с саморазвитием мирового разума, историю – с логикой, а философию объявившей «наукой логики». Ницше, который для меня скорее великий художник, великий поэт, однако несомненно и философ тоже, в своей книге «Так говорил Заратустра» излагает то, что никакого отношения к Заратустре не имеет, это просто его собственная философско-литературная концепция.

С ним в философию возвращается яркая эмоция, даже какая-то интеллектуальная страстность, что ли. Однако если внимательно посмотреть на его сочинения, то очень скоро выяснится: за часто эпатажными и по виду хаотичными рассуждениями стоит железная логическая нить, накрепко сцепляющая последовательность аргументации. Вот это и есть философия в формате «постметафизического мышления», о котором говорил Ницше. Литература стала одним из истоков этого поворота. И здесь нельзя не

упомануть Ф.М. Достоевского, со знакомства с сочинениями которого, кстати, и начался Ницше как Ницше.

Если перейти к русской литературе, то здесь, если честно, и систематика-то почти отсутствует. Философской работы по осмыслению этого богатейшего наследия – непочатый край, и научной – тоже. Есть ли сейчас в России литература? Она всё больше становится ненужной, литераторов почти не осталось. Это говорит о том, что наступает новый век, который ещё ждёт рождения своей философии и, возможно, литературы. Если не родится философия нового уровня, способная дать новый синтез всех колоссальных достижений науки и всех сложностей, которые эта наука породила в искусстве, то человечество ожидает серьёзный кризис.

Наступает век философии. Может, я не прав, может, мне просто хочется в это верить.

М.В. *Часто произведения искусства являются единственными свидетелями определённой эпохи, отражением культуры и религии того времени. Что, как Вы думаете, останется от нашего времени? Какие свидетельства останутся от нашей эпохи?*

Ю.П. На этот вопрос невозможно ответить заранее. Так же неолитические люди, которые создавали свои пиктограммы, не совсем понимали, что они делают. Поэтому, думаю, чтобы оценить, что останется после нас, должно пройти время. Не мы решаем это.

Д.Д. *Как в современном мире трансформируется русская культура?*

Ю.П. Культура – вещь очень живая. Слава богу, что она развивается. Когда происходит стагнация, тогда, по Льву Гумилёву, наступает закат данного этноса, и стоит только ожидать, когда на его месте возникнет другой. Литература мне ближе всего, сейчас в ней происходит безусловный спад. По Гесиоду: был золотой век, был серебряный век, был медный век, а сейчас, по-моему, век пластиковый. Из которого гаджеты делают.

Золотой век у этноса, точнее у суперэтноса, бывает один. Потому что у этноса и золотого века скорее всего не быва-

ет. Это я наблюдаю и в Англии, начиная с Шекспира, и в Германии, и в Испании, и у нас. Сейчас скорее можно ожидать его наступления где-нибудь в Латинской Америке, где золотого века ещё не было. Я просто не знаю двух золотых веков у одного суперэтноса, за исключением такой удивительной страны, как Китай. Правда, я не уверен, что это одна страна, а не несколько стран. В Китае было несколько золотых веков. Век Конфуция, безусловно, золотой век; век трёх великих поэтов – Ду Фу, Ли Бо и Ван Вэйя – тоже золотой век.

Я надеюсь, что Россия принадлежит, говоря гумилёвским языком, как раз к суперэтносу, который периодически обновляется, сбрасывая старую кожу и наращивая новую. Согласно Гумилёву, наше время уже почти истекло и примерно в 2062 г. закончится. В этом, на самом деле, нет ничего страшного. Люди, которые будут в то время жить, скорее всего ничего не заметят. На месте старого начнет возникать какой-то другой суперэтнос. Сейчас нечто похожее, полагаю, происходит во Франции, так что надежды на возрождение «старых» культур в новом виде вполне реальны.

Была когда-то великая римская культура, замечательная поэзия, философия, литература. Не такая, конечно, как греческая, но все-таки... Потом появились варвары, чудовищные варвары, которые прежде всего стали издеваться над замечательным богатейшим латинским языком, они стали его коверкать. И появилось три уродца – испанский язык, французский и итальянский. Родились великие национальные культуры, которые дальше двинули человечество. Язык Данте – это же национальный язык, основанный на флорентийском диалекте. То есть – «низком», «испорченном», по отношению к международному языку науки и общения того времени, латыни. Но этот язык не только оставался одним из великих языков литературы и культуры (не случайно его изучали, например, Ахматова и Мандельштам).

Он стал языком объединённой Италии, когда она, наконец, обрела поли-

тическое единство. И это произошло отнюдь не во времена Данте, то есть в раннем средневековье, а относительно недавно, во второй половине XIX в. Язык Данте просуществовал всё это время в сохранности, и оказался способен к развитию, став языком общения разных регионов объединённой Италии, жители которых плохо понимали диалекты соседей. Этому, конечно, помогли в XX в. общегосударственные медиа, а также «социальный заказ» на детские сказки, написанные на общеитальянском литературном языке. Но главное, потенциал языка это позволял!

Возвращаясь к России, хочу ещё раз подчеркнуть: я все-таки рассчитываю, что мы очень долго будем жить и что гумилевский срок на нас не действует, мы просто будем менять кожу. Потому что, по большому счёту, не совсем понятно, когда Россия родилась. Мы даже и название своё меняли. Собственно, у нашего народа и названия-то нет. У этого великого народа нет существительного, есть только прилагательное: русский. У других народов – существительное, а у нас – прилагательное. Есть, правда, понятие россиянин, но это нечто юридическое, обозначающее формальную принадлежность к нашему государству. Содержательную принадлежность к русской культуре существительным выразить трудно. Как, наверное, вообще трудно субстантивировать сферу смысла.

Смешно получается у ироничного Платона – не лошадь, а «лошадность». На мой взгляд, это очень хорошо показывает динамический характер той действительности, которую мы называем русской культурой. Динамический – значит, речь идёт о живом. Так что надежда есть!

М.В. *С Вашей точки зрения, угасание литературы – это симптоматика возвращения к слову-мифу, или это нечто неопределённое?*

Ю.П. Для меня философия – это сочетание трёх слов: логос, метафора и миф. Логос пока ещё является доминантой. Угасание литературы ведёт к возрастанию мифа. По закону сообщающихся

сосудов, это должно произойти потому, что философия трехчленна. Если какой-то элемент в ней ослабляется, то происходит рекапитуляция, адаптация и перераспределение функций.

Д.Д. *Если литература угасает, то переходит ли логоцентрический тип культуры в визуальные виды искусства?*

Ю.П. Мне очень трудно делать прогнозы. Для меня есть три пути познания – научный, художественный и религиозный, об этом я как раз рассказываю своим студентам. Объясняя им, что у этих трёх путей познания разные языки, разные цели, разный образ жизни, разные версии. А философия – это попытка объять эти три различных пути и представить человека в своей цельности. То, что происходит в искусстве, происходит в искусстве, это не моментальное влияние, это свой прогресс, своё движение. Естественно, это отражается и на религиозном, и на научном познании.

Д.Д. *Можно ли в полной мере понять иностранную литературу?*

Ю.П. Я сейчас читаю Стефана Цвейга в оригинале. Когда начинаешь читать на немецком, то понимаешь, что большая прелесть заключается именно в языке Цвейга. Не в том, что он описывает, его язык хорош сам по себе. Как велик Пушкин с его «Я помню чудное мгновенье...», которое абсолютно непереводаемо просто потому, что там нечего переводить. Вся магия заключается именно в «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты». Смотрите, какая музыка. Каким бы гениальным переводчиком ты ни был, это непереводаемо. Мой коллега из Северо-Западного университета США профессор Уайл говорил в своё время: «Юрий, ты просто не понимаешь поэзии. Она вообще непереводаема. Особенно великий поэт, он непереводаем».

Я ему отвечаю: «Значит, великий поэт Пушкин непереводаем, но разве Данте хуже?» «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Какой образ! Но ведь возможно оказалось перевести?! Правда, создав фактически новый текст, когерентный исходному. Текст на другом языке, который сумел

представить интеллектуальное и эмоциональное богатство оригинальных «концептов» с помощью иных лексико-грамматических средств выразительности. То есть имеется некая онтология смысла, которая «даётся» разным языкам, но всегда через конгениальных людей. Или – «не даётся» вовсе.

Ещё один пример. Толстой ругал Шекспира, у него в какой-то момент наступил период, когда он всех ругал. Вдруг он узнал, что в Англии живёт такой же умный человек, как он, и ругает Шекспира. Это был Бернард Шоу. Толстой написал ему письмо, где сообщил о том, что очень рад, наконец, услышать, что и в Англии кто-то считает: Шекспир – посредственный писатель и никудышный поэт. Бернард Шоу ему ответил – я с Вами в общем-то согласен, драматургические способности Шекспира явно не очень хороши (особенно если сравнивать их с моими, то есть способностями самого Шоу). «Но он – гениальный поэт, здесь Вы чего-то не поняли; в этом я с Вами категорически не могу согласиться», – добавил Шоу. В чём дело? Дело в том, что Лев Николаевич изучал Шекспира по плохому подстрочному переводу «Короля Лира». Естественно, он не мог понять, что перед ним гений, достоверных оснований перед лицом не было...

Д.Д. *Может быть, стоит просто расширить курсы классической литературы в школе?*

Однажды Ренуара спросили: что важнее в искусстве – что или как. Он подумал и ответил, что самое важное в искусстве – кто. Надо прежде всего вырастить учителей. Или хотя бы сохранять тех людей, которые ещё остались от старой школы. Которые понимают, что такое действительно хорошее образование. Плюс воспитание нового поколения учителей. Программы можно разные придумать, но кто эти программы будет выполнять? Вот где главный вопрос. При этом не стоит забывать, что основа всего образования, его стержень, а может самое главное, что есть в жизни, – это самообразование. Далеко не все люди занимаются самооб-

разованием, но именно поэтому некоторые люди умные, а другие – нет.

М.В. *Философию сегодня в российском вузе так или иначе изучают все, а культурологию – очень малое количество студентов. Не является ли это упущением, не стоит ли уделять внимание не только литературе и философии, но и образованию в области культуры и искусств?*

Ю.П. Конечно, это совершенно необходимо. Но такие программы требуют больших затрат, прежде всего интеллектуальных, а в итоге, конечно, и материальных. Теперь я, наконец, понял, что мой первый тезис был неверен. Для того, чтобы развивать гуманитарные науки, надо очень много в них вкладывать. Прежде всего, воспитывать учителей, оплачивать тех, кто двигает эти науки вперёд и прививает интерес к ним. И тут, конечно, деньги надо тратить, причём большие. Но у нас как-то всегда с этим было сложно. Это главная русская загадка: самая богатая страна в мире живёт так плохо, так бедно. Причём жила так всегда. И думаю, будет жить. Может быть, поэтому появилась у нас такая замечательная литература.

М.В. *Возвышенный дух от бедности?*

Ю.П. Может быть. Вспомните китайскую мудрость: самые прекрасные и священные лотосы растут именно на болоте, среди тины и грязи; в садах и ухоженных парках такие цветы не растут. Здесь грязи мало. Да и пенициллин не изобретёшь, плесени нет. Я думаю, что именно сейчас очень важно решение моих коллег создать такой журнал, который бы занимался не только философскими вопросами, но и вопросами культуры. В будущем элементы культуры, философии, живописи, культурологии, религии все больше и больше будут вторгаться в сферу международных отношений и дипломатии. Без них человечество просто не разберётся с самим собой. Потому что надо понимать, что такое человечество, зачем оно, куда оно идёт и что надо сделать, чтобы оно себя не уничтожило.

М.В. *Религиозные различия усугубляют зону возможных конфронтаций. Не следует ли придерживаться позитив-*

вистской модели, согласно которой все свои «национально-культурные ценности» мы оставляем дома, а за столом переговоров у нас есть общее поле здравого смысла и абсолютно прагматические задачи, которые мы решаем?

Ю.П. Религия – это стержень человека, его лицо, его самость, его смысл жизни в этом иногда бессмысленном мире. Надо просто продвигаться в своей религии: я имею в виду и христианство, и ислам, и буддизм. Если вы в этих религиях развиваетесь и впитываете жизненные положительные соки, то вскоре вы обнаружите, что расхождений становится все меньше и меньше. Когда умер мой любимый суфийский поэт Джалаладдин Руми, то его пришлось хоронить практически все – и мусульмане, и христиане, и буддисты. Потому что для всех для них он был учителем. А вот нижний религиозный уровень – это, конечно, сплошные конфликты. Но конфликты, простите, есть и у крыс. Там просто разные группировки и разные стаи крыс по-разному пахнут. Естественно, что если ты пахнешь не так, как принято у нас, то лучше тебя растерзать.

Показывая эволюционное развитие потребностей и путей их удовлетворения, я всё время подчёркиваю, что культурология – наука достаточно молодая. Поэтому и существует более 600 определений того, что такое культура. Знаете, академик П.Л. Капица в своё время не понимал, что за наука такая – история: историки ведь не могут договориться о том, что они исследуют. Тем более он не понял бы ситуацию с 600 с лишним определениями культуры. Но есть общее поле понимания культуры, на котором сходится большинство её определений. Человек – это культура, а нечеловек – это не культура, в определённых случаях – предкультура. Посмотрите даже на растения: есть дикорастущая пшеница, её культурой редко называют. Когда говорят о пшенице как о сельскохозяйственной культуре, то говорят, как правило, о той, что имеет отношение к человеку. Мне кажется, что большинство культурологов сойдутся на том, что культура появляется только с человеком. То, что было до этого, – это предкультура. Но это уже философский вопрос.

THE AGE OF PHILOSOPHY IS COMING

Yu.P. Simonov-Viazemsky

Yury Simonov-Viazemsky (Yu. S.-V.), the writer, the author and producer of Russian Teleolympiade «Umnicky i Umnitzy» (Wise and Clever), Honoured Cultural Worker of Russia, the head of the Department of World Literature and Culture of MGIMO, the editor-in-chief of the Journal "Concept: Philosophy, Religion, Culture" is interviewed by MGIMO Professor, Doctor of Philosophy Margarita Silantieva (M.S.) and Ph.D. student Daria Liubinsky (D.L.).

M.S. Yury Pavlovich, in the Soviet times technical specialties (physics, chemistry, mathematics) were popular. This was due to the technical progress, cosmic exploration, arms race. Now we face the situation very much alike, and technical sciences have come to the fore once again. What is the position of the humanities and how can they be popularized in the present context? How to catch the interest of the younger generation, which we expect to develop these sciences?

Yu. S.-V. How can we gain the interest of the younger generation? This question is always very difficult to answer. The first thing that comes to mind: you need to pay well for the work of scientists involved in the humanities. Young people start to stand on their own feet, they want to live with dignity, and some want to make a family – to get married, to have children. For this you need money, needless to say. In this sense, the humanities are lucky. Modern natural sciences, for example, physics, chemistry require large investments. Failing this, the science can't develop, much depends on funding. And the humanities do

not require it to that extent. What special money does a philosopher, historian or any other humanitarian need? You need not so much for books, for food ..., even for up-to-date excavations in comparison with the special equipment necessary for physicists or, let's say, biologists.

On the other hand, I'm strongly convinced that human knowledge is inseparable. And great scientists of the past and the present including physicists and chemists support me.

If society wants to prosper, it should develop, and it's necessary to evolve all branches of science since the border between them is sometimes quite invisible. Physics and chemistry help to adjust the dating of certain artifacts. The latter, in turn, expand scientific views not only of religion, art and life of other epochs, but also shed light on the forms of organizational culture accumulated by mankind; supplement a coin box of medical knowledge, etc.

It's another matter that technical sciences are usually loved by people who govern states since with their help it's possible to

receive different dividends faster - new cars, new planes, new gadgets... And at the same time, those people hardly guess what one can get from history, except a toothache, and certainly from philosophy. This knowledge seems "useless"! But this is the first impression. A few examples:

- The great physicist Niels Bohr discovered the principle of complementarity while reading the writings of Seren Kierkegaard about the trinity. This work, not so much philosophical as theological, prompted him to open this principle, comparable to the creation of the theory of relativity by Albert Einstein. Those particular discoveries of the first half of the 20th century in practice caused the appearance of gadgets, and space, and rockets, and new-generation aircraft;

- And what about the ideas of Newtonian mechanics, flowing smoothly from his philosophical and theological ideas about space and time? Modern physics could hardly exist without it!

The fatal nature of the disparity between the technical sciences and the humanities, as well as between the science itself and philosophy was well recognized back in the 20th century, one has only to recall E. Husserl's work "The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy". Still urgent are the ideas of the authors of the Pugwash manifesto, raising the questions of deep ethical foundations of knowledge, personal and public "likes and dislikes towards a particular problem". And this is not an attempt to "mix the sour with the round": science and philosophy, ethics are two different ways of scientific knowledge development. But to ignore their interrelation at the level of anthropologically significant problems' solving, would be shortsighted, to say the least. Taking into account hybrid wars, this topic is still vital and it's acquiring more vivid nuances nowadays.

It's also true that apart from the metaphysical level of knowledge, there are also human sciences; humanitarian scientificity is a different from natural science type of scholarship. The humanities are able to "calculate" scenarios of a possible future, based on certain parameters of specific tasks being

solved. This is calculating based on accurate qualitative methods. And there is one more definition - "classical" and "nonclassical" (or "post-nonclassical" according to Academician V.S. Styopin) scientificity. Its role in modern scientific knowledge ("natural" as well as "unnatural") has only increased over the last years.

To be sure, the calculation of possible future scenarios based on the humanities' methodology is not coffee cups reading. And it is still extremely important since the technology and nuclear weapons created in the 20th century, have already reached a higher level these days. The risks of man-caused disasters complement military risks, accompanied by the use of high-tech weapons and methods of combat. And the question is not so much about the technique as about a man, about the boundaries of his self-knowledge and self-realization. So without human sciences and metaphysical bases of knowledge, all we can do is wait until technologies "swallow" us, transforming into themselves or even get rid of us as a troublesome "part" for the world of machines so conveniently arranged, well-organized and perfectly controlled, due to our freedom (i.e. poor predictability). It's horrible... Of course this won't happen. We see, that despite the "resistance of the material" in the form of technocratic scientism, humanitarian knowledge and philosophy still maintain their positions in society even if not demonstrating obvious immediate profits.

M.S. *How philosophy ranks in that case nowadays? Is it needed in modern life?*

Yu. S.-V. Philosophy is essential, because any knowledge possesses two languages without which serious science is impossible: it's mathematics, the language of science and philosophy, its super-language. Albert Einstein, Niels Bohr, Ernest Rutherford, Peter Kapitsa were philosophers in some ways. Nuclear physics just doesn't work without philosophy. It's almost an applied philosophy.

Everything is related. What kind of Russian is the Russian man without philosophy? Many people just think that they do not face philosophy. But each of us deals with "eternal questions" one way or another! The fact is that a person, who does not study philosophy, is forced to invent some kind of his own phi-

philosophy to make a decision in an emergency, he “reinvents the wheel”. However philosophers can help in that case, not replacing his own search, but demonstrating how certain links of the social organism work within diverse temporary circumstances.

Philosophy is a unique language. Not scientific, not religious and even not artistic. From this I begin my lectures for students. Philosophy is an attempt to combine three spheres of life – science, art and religion – into the integral knowledge. It is a synthesis, a personal synthesis as usual. That’s why schools of thought are different; there is no one universal philosophical school that everyone accepts. A philosopher, if he is a great philosopher, can pay no regard to what was said before him. Being an artist, he has the right to be completely original. Meanwhile physicists cannot work like this: they cannot ignore Albert Einstein or Niels Bohr, and develop physics at the same time. But philosopher can afford to create his own philosophy, contradicting all previous social experience. Arthur Schopenhauer’s whole philosophy, as it seemed to him, was built on the rejection of Hegel (although to a large extent he took all the good points from Hegel). At the same time, he considered himself a Kantian and respected Kant much (but if you look closer, that was not exactly respect). So if one philosopher is mentioned by another one, that’s not always a correct historical and philosophical retelling. Quite often, on the contrary, the predecessors are mentioned for “repulsion” to define personal understanding in more detail.

By the way, it was after Hegel, Kant and especially Schopenhauer that philosophy entered into its “silver age”. It became less involved with science, more and more approaching to art. It started with a struggle with Hegel’s panlogism, identifying the whole world with the self-development of the world mind and history – with logic; even declaring philosophy as “the science of logic”. Nietzsche is a great artist and a great poet for me, and, undoubtedly, a philosopher as well. In the book “Thus Spoke Zarathustra” he expounds his own philosophical and literary conception, which has nothing to do with Zarathustra.

A bright emotion and even some kind of intellectual passion came into philosophy with Nietzsche. However, if you look closer at his works, you will find out that there is an iron logical thread, firmly adhering to a sequence of arguments, behind the shocking and chaotic reasoning. This is the philosophy in the format of “post-metaphysical thinking” Nietzsche referred to. Literature has become one of the sources of this turn. And it should not go unmentioned the contributions of F.M. Dostoevsky, which affected Nietzsche’s ideas and perspectives.

If we turn to Russian literature, there is no a system at all. There is plenty of intellectual and scientific work aimed to comprehend the richest heritage. Is there literature in Russia now? It is becoming increasingly unnecessary, there are almost no writers left. This suggests that a new age is coming, still waiting for the birth of its philosophy and, probably, literature. If philosophy doesn’t take a new development level, bringing the synthesis of all colossal achievements of science and all the complexities it engendered in art, then humanity is expecting a serious crisis. The age of philosophy is coming. Maybe I’m wrong, maybe I just want to believe it.

M.S. *Sometimes the works of art are the only witnesses of a certain era, reflecting its culture and religion. What do you think will remain after us? What heritage will remain from our epoch?*

Yu. S.-V. This question cannot be answered in advance. Neolithic people creating pictograms could hardly realize what they were doing. Therefore, time will estimate our heritage. We do not decide this.

D.L. *How is Russian culture transforming these days?*

Yu. S.-V. Culture is a living thing. Thank God it is developing. If stagnation occurs, then, according to Lev Gumilyov, the decline of the ethnos happens, and there is little choice but to wait until it’s replaced by another one. Literature is the closest to me, and it’s certainly declining. According to Hesiod, there was a golden age, there was a silver age, there was a copper age, and now, in my opinion, there is a plastic age of gadgets.

There is just one golden age in the history of the ethnos, more precisely of the super-

ethnos, since the first one doesn't have it at all. This is what happens in England, starting with Shakespeare, in Germany, in Spain, and what happens with us. Now we can expect it somewhere in Latin America, where the golden age has not happened yet. I just don't know two golden ages experienced by one super-ethnos nowhere else but in China, such an amazing country. Really, I doubt if this is one country, not several ones. In China there were several golden ages. The Age of Confucius is certainly a golden age; the age of three great poets – Du Fu, Li Bo and Wang Wei is a golden age as well.

I hope that Russia belongs to the super-ethnos, which is regularly updated, sloughing off old skin and building up a new one, in terms of Gumilyov. According to him, our time is running out and approximately in 2062 will be up. In fact there is nothing wrong with it. People probably won't notice anything. Another super-ethnos will emerge instead of the previous one. As I suppose in France something like that is happening, so the outlook for the "old" cultures' revival in a new form are quite real.

There was once a great Roman culture, wonderful poetry, philosophy and literature. Not such as the Greek, but still ... Then came the barbarians, who began to torment the wonderful Latin language and started to murder it. And there appeared three freaks – Spanish, French and Italian. Great national cultures were born, moving humanity further. The language of Dante is the same national language, based on the Florentine dialect which was considered "low" and "spoiled" in relation to Latin, the international language of science and communication of that time. It remained one of the greatest languages of literature and culture (not by accident it was studied by Akhmatova and Mandelstam), moreover it became the language of the unified Italy, when the country gained political unity. And this did not happen during Dante's time in the early Middle Ages, but it occurred not long ago in the second half of the 19th century. The language of Dante remained safe for all that time and turned out to be able to develop, becoming the language of communication in different regions of unified Italy, whose inhabitants could hardly un-

derstand the dialects of their neighbors. In the 20th century the process was forced by national media, as well as the "social order" for children's tales, written in Italian literary language. What is most important is that the potential of the language permitted to do it!

Returning to Russia, I want to emphasize once again: I still hope that we will live for long and the term predicted by Gumilyov has no connection with us, we will just change the skin. The thing is that generally speaking it's unclear when Russia was born. We also changed our name. Actually, our nation has no name. Our great nation is defined by an adjective, not a noun: Russian. Other nations have a noun, and we have just an adjective. However there is a concept of the Russian, but this is something legal, establishing formal affiliation to our state. It's difficult to express a substantial affiliation to Russian culture with a noun. Generally, it's hard to substantiate the sphere of the meaning as well.

The funny is the way ironic Plato says "horseness", not a horse. In my opinion, it demonstrates the dynamic nature of the reality we used to call the "Russian culture". Dynamic is referred to the living. So there is a hope!

M.S. *What do you think about literature decay? Is it indicating a reversion to the word-myth, or it's a kind of a grey area?*

Yu. S.-V. As for me, philosophy is a combination of three words: logos, metaphor and myth. Logos is still dominant. The extinction of literature leads to the growth of myth. According to the law of communicating vessels, this should happen because philosophy is tripartite. If any of its elements is weakened, then recapitulation, adaptation and redistribution of functions take place.

D.L. *If literature is becoming extinct, does the logocentric culture transforms into visual art forms?*

Yu. S.-V. It's hard to make predictions. As for me there are three ways of perception – scientific, artistic and religious. I tell my students about it. I explain to them that these ways have different languages, different goals, different ways of life, different versions. And philosophy is an attempt to embrace them and to introduce a man in its unity. What is going in art it is not a momentary influence;

this is its progress, its movement. Naturally, this is reflected both in religious and scientific knowledge.

D.L. *Is it possible to comprehend the foreign literature entirely?*

Yu. S.-V. I am reading Stefan Zweig in the original now. When you start reading in German, you understand that all the beauty is the language of Zweig. Not the story, his language is good in itself. How great is Pushkin writing "I remember a wonderful moment ..." which is absolutely untranslatable simply because there is nothing to translate. All the magic is in the words "I remember a wonderful moment, as before my eyes you appeared"¹. Look, what a music! No matter how genius the interpreter is, it is untranslatable. My colleague from the US Northwestern University, Professor Wile used to say: "Yuri, you just do not understand the poetry. It's absolutely untranslatable. Especially as for a great poet, he is untranslatable".

I answered him: "Ok, the great poet Pushkin is untranslatable, but is Dante worse?"

"In the middle of the journey of our life, I came to myself, in a dark wood"². What an image! It was possible to translate it, wasn't it?! In fact, a new text coherent to the original was created. The text in a foreign language managed to present the intellectual and emotional richness of original "concepts" by means of alternative lexical and grammatical forms of expressiveness. So there is a certain ontology of concepts which is "given" to different languages through congenial people or is not "given" at all.

There's another example. Tolstoy scolded Shakespeare and there was a period some time when he scolded everyone. Suddenly he found out that in England there was a man as intelligent as he was, scolding Shakespeare. He was Bernard Shaw. Tolstoy wrote him a letter informing that he was very glad to hear that someone in England also believed that Shakespeare was a mediocre writer and a worthless poet. Bernard Shaw answered him – "I agree with you in general, and Shakespeare's dramaturgic abilities are not very good (especially in comparison with mine).

But he is a brilliant poet and you do not understand anything; herein I strongly disagree with you", – Shaw added. What's the matter? The fact is, that Leo Nikolayevich studied Shakespeare in a poor translation of the "King Lear". Naturally, he could not imagine that there appeared a genius in front of him; there were no true signs ...

D.L. *May be it's needed to expand the courses of classical literature at school?*

Yu. S.-V. Once Renoir was asked about what is more important in art – "what" or "how". He answered, that the most important thing in art is "who". First of all, we should grow up teachers or at least retain the ones from the old school who do understand what good education is. Plus we need to bring up a new generation of teachers. There may be different programs created, but who is going to implement them? That's the heart of the matter. At the same time, we should not forget that the basis of the whole education, its core and perhaps the most important thing of life, is self-education. Not all people are engaged in self-education, that's why some people are smart, others are not.

M.S. *In the Russian university everyone studies philosophy one way or another, but a very small number of students study culturology. Isn't it an omission? Shouldn't we pay attention not only to literature and philosophy, but also to education in the field of culture and the arts?*

Yu. S.-V. This is extremely necessary, needless to say. But such programs require expenses, primarily intellectual and after all financial, of course. Now I realize that my first thesis was wrong. In order to develop the humanities, it's necessary to invest a lot in them. It is about educating teachers first of all, paying to those who move these sciences forward and foster interest in them. In this case much money must be spent. But we used to have difficulties in it. This is the main Russian mystery: the richest country in the world lives so badly, so poorly. And it used to live like this and I think will live in the future this way. Maybe that's why we've got have such a wonderful literature.

¹ In original.

² M. Lozinsky's translation of the poem in Russian.

M.S. *Do you mean poetic spirit coming from poverty?*

Yu. S.-V. It's possible. Remember the Chinese wisdom: the most beautiful and sacred lotuses grow on the swamp, among the mud and dirt; in the gardens and smart parks such flowers do not grow. There is little dirt there. Even penicillin cannot be invented, there is no mold. I believe, the decision of my colleagues to launch the Journal dealing not only with philosophical issues, but also with cultural ones, is vitally important now. Some elements of culture, philosophy, painting, culturology, religion will invade the sphere of international relations and diplomacy more and more in the years ahead. Humanity can hardly understand itself without them. We should realize what humanity is, for what it is, where it goes and what needs to be done so that it does not destroy itself.

M.S. *Religious differences enhance the likelihood of confrontations. Why not to adhere to the positivist model, suggesting that we should leave our "cultural values" at home, and focus on shared field of common-sense and pragmatic challenges while coming to the negotiating table?*

Yu. S.-V. Religion is the core of a person, his face, his self, his sense of life in this sometimes meaningless world. You just need to move forward in your religion: I mean Christianity, Islam, and Buddhism. If you progress in these religions and absorb their vital posi-

tive juices, you will soon realize that there are minor differences. When my favourite Sufi poet Jalaladdin Rumi died, almost everyone came to bury him – Muslims, Christians, and Buddhists since he was a teacher for all of them. Meanwhile the lower religious level suggests continuous conflicts. But even rats have conflicts, pardon me. The case is that different groups of rats have different smells. Naturally, if you smell differently, it's better to tear you to pieces.

Presenting the evolutionary development of needs and the ways to meet them, I always emphasize that Cultural Research is quite young. Therefore, there are more than 600 definitions of what culture is. You know, Academician P. Kapitsa did not understand what kind of science history is: historians cannot agree on what they are investigating. Moreover, he would not understand the situation with more than 600 definitions of culture.

But there is common understanding of culture, embracing most of definitions. A man is a culture, and a non-human is not a culture, he's a pre-culture in certain cases. Look even at the plants: there is a wild wheat; it's rarely called a culture. If someone talks about wheat as an agricultural crop, he refers to something related to a man. I feel like most culturologists are equal of the opinion that culture appears just in the process of human activity. The antecedent is pre-culture. But this is a philosophical question.